

УДК 141.319.8:321.01

DOI 10.23683/2227-8656.2018.4.12

**ПАТРИАРХАТ
И МАТРИАРХАТ
В ДИСКУРСЕ ФИЛОСОФСКОЙ
АНТРОПОЛОГИИ:
ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ
ВЛАСТИ**

**PATRIARCHAT
AND MATRIARCH
IN THE DISCOURSE
OF PHILOSOPHICAL
ANTHROPOLOGY: GENDER
ASPECTS OF POWER**

Черных Сергей Сергеевич

Кандидат философских наук, доцент
кафедры социологии и психологии
Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия,
e-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Sergey S. Chernykh

Candidate of Philosophical
Sciences,
Associate Professor,
Platov South-Russian State
Technical University,
Novocherkassk, Russia,
e-mail: s.s.chernykh@mail.ru

В статье проведен анализ гендерных аспектов власти сквозь призму смены и взаимной борьбы культурных формаций, таких как матриархат и патриархат. В данной связи рассматриваются причины деструкции древнего матриархата и утверждение патриархальной культуры, а также анализируется борьба за власть полов в условиях антропологических трансформаций эпохи модерна. Демонстрируется, что власть в качестве особой культурно-антропологической реальности не только вбирает в себя половые различия, но и активно использует их в интересах упрочнения собственного господства. В заключение статьи автором делается вывод о том, что борьба за тотальное равенство полов, ориентированная на нивелирование гендерных различий, может приводить к

The article analyzes the gender aspects of power in terms of the change and mutual struggle of cultural formations, such as matriarchy and patriarchy. The author stand on the following idea: the causes of the destruction of the ancient matriarchy and the approval of patriarchal culture, and also the struggle for power of the sexes is analyzed in the terms of anthropological transformations of the Modern Age. It is demonstrated that power as a special cultural and anthropological reality not only absorbs gender differences, but actively uses them in the interests of strengthening its own domination. In the conclusion of the article the author underlines that the struggle for total gender equality, aimed at leveling gender differences, can lead to the problems of sexual identity and the excesses of androgyny.

проблемам сексуальной идентичности и эксцессам андрогинности.

Ключевые слова: антропология власти; патриархат; матриархат; гендерные аспекты власти; борьба за власть; бисексуализм; маскулинизм; феминность; гендерные конфликты; культурное доминирование; андрогинность; идеализм; материализм.

Keywords: anthropology of power; patriarchy; matriarchy; gender aspects of power; power struggle; bisexualism; masculinity; femininity; gender conflicts; cultural domination; androgyny; idealism; materialism.

Введение

Гендерные особенности играют важную роль в конструировании властных отношений, вносящих определенный порядок в процесс развития и воспроизводства человеческой цивилизации. Так, например, под воздействием идей И. Бахофена и З. Фрейда русский философ Н. Бердяев справедливо писал о том, что для философской антропологии основной «является проблема пола. Человек есть половое существо, и половая полярность характеризует человеческую природу. Пол совсем не есть функция человеческого организма, пол есть свойство всего организма человека, каждой его клетки» (Бердяев, 2003. С. 105–106). Вместе с тем, пронизывая собой человеческие интеракции, *власть* по-разному проявляется в зависимости от её реализации в условиях патриархальной либо матриархальной культуры, причём отношения данных культурных формаций зачастую носят довольно конфликтный характер, который также напрямую связан с борьбой полов за власть.

Патриархат (от греч. πατήρ – «отец» и ἀρχή – «начало, господство») как власть мужчин (отцов) – тип культуры, в котором доминирует мужское начало, и *матриархат* (от греч. μήτηρ, μάτηρ – «мать» и ἀρχή – «начало, господство»), где главенствующая роль принадлежит не просто женщинам (матерям), а скорее культурным ценностям, которые отождествляются с женским началом, – *не существуют в абсолютно чистом виде*, а скорее всегда обнаруживаются в некотором единстве (правда, отнюдь не всегда в комплементарном) и во взаимодополнительности. При этом греческое слово ἀρχή значит не только *властвовать*, но и, прежде всего, *начинать* (тем самым задавая будущие ориентиры), что, в свою очередь, ставит вопрос о первичности (архетипичности) рассматриваемых культурных формаций. Однако однозначно ответить на подобный вопрос могут, пожалуй, представители исторической науки, археологии и других дисциплин. Тогда как в рамках дискурса философской антропологии может быть предложена сбалансированная и нежесткая эври-

стическая модель понимания таких довольно сложных понятий человеческой культуры и общественного устройства.

Вместе с тем анализ ряда известных наиболее древних мифологических сюжетов, связанных с возникновением *аграрных культов* и *земледелия*, свидетельствует в пользу того, что появлению известных нам наиболее отчетливых форм патриархальной культуры (достигшим своего апогея в авраамических религиях) вполне определенно предшествовал древний *матриархат*. «Первым и, может быть, важнейшим следствием открытия земледелия, – как отмечал М. Элиаде, – является кризис ценностей палеолитического охотника: на смену отношениям религиозного порядка с животным миром пришло то, что можно назвать *мистической солидарностью между человеком и растительностью*. Кроме того, на вершину иерархии взошли женщина и женская сакральность. Поскольку женщины играли решающую роль в одомашнивании растений, они стали собственниками возделываемых полей, что повысило их социальное положение и породило характерные институты, подобные, например, матрилокальности, когда муж обязан жить в доме своей жены» (Элиаде, 2008. С. 55–56). Интересно, что исследовательский метод, которому в данной цитате следует крупнейший религиовед и культуролог XX в., содержит в себе явно марксистские коннотации, т. е. речь в нём идёт о том, что изменение в силах производственного базиса (переход от охоты к земледелию) ведёт к возвышению социальной роли женщин, порождая собой расцвет матриархальной культуры (таким образом, приводит к изменению культурно-идеологической надстройки древнего общества).

Деструкция древнего матриархата и утверждение патриархальной культуры

Свидетельства о почитании великой богини-матери и других не менее важных женских божеств содержатся в мифах различных народов Древнего Китая, Индии и Греции. Так, например, отечественный исследователь даосизма Е. Торчинов, ссылаясь как на тексты трактата «Дао дэ Цзин», так и на работы современного китайского учёного Э.М. Чжэня, отмечает, что «формированию учения о дао как философской концепции предшествовало почитание некоей богини-матери, с культом которой генетически связан даосизм» (Торчинов, 2007. С. 212). Поэтому вполне не случайно, что само дао (в трактате «Дао дэ Цзин») понимается как вселенская пустота (женское лоно), «сокровенная самка» и «великая мать» всего сущего. Анализ индоевропейских языков показывает, что имена Бога и богов: латинское Deus, латыш-

ское Dievs, литовское Dievas и др. восходят или по крайней мере родственны санскритскому слову «дэва», которым изначально обозначалось именно женское / материнское (вселенское) божество (поэтому и в славянских языках понятие «женственность» неслучайно зафиксировано в слове «дева»). Свидетельством этому также является один из гимнов «Ригведы», в котором на санскрите утверждается, что «devānām yuge prathame 'satah sad ajāyata | tād āsā anv ajāyanta tad uttānapadas pari | // в первую эру богов из не-сущего сущее родилось. Тогда потом части света родились, выйдя из роженицы [букв. из той, у кого ноги вытянуты, как при человеческих родах]» (Дюмезиль, 1986. С. 81).

Интересно, что Ф. Энгельс вполне осознанно именно с матриархатом связывал архаические формы аграрного коммунизма и мировоззрения материализма. «Ниспровержение материнского права, – писал классик, – было *всемирно-историческим поражением женского пола*. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения. Это приниженное положение женщины, особенно неприкрыто проявившееся у греков героической и – еще более – классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрашено, местами также облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено» (Маркс, 1961. С. 60). Пожалуй, позитивная оценка древнего матриархата также разделяется большинством представителей неомарксизма. «Если в отцовском начале заложена ограниченность, то в материнском – всеобщность. В рождающем материнстве берёт начало всеобщее братство всех людей, – отмечал Э. Фромм, – осознание и признание которого исчезает с возникновением патриархата» (Фромм, 1992. С. 394). Таким образом, если речь идёт о господстве над вещами единого (женского) порождающего лона, то преступление против него (с точки зрения матриархата) оказывается самым тяжким грехом. Вместе с тем с утверждением патриархальной культуры, в основе которой оказываются принципиально новые интересы государственной политики (примат формальных законов, ориентация на воинственную власть отца), происходит резкий конфликт между новым строем и некогда могущественным матриархальным порядком.

Коллизия между ценностями матриархата и патриархата была подробно проиллюстрирована в произведениях великих трагиков античной Греции. *В данной связи наиболее отчетливый конфликт между рассматриваемыми типами власти продемонстрирован в «Эвменидах» Эсхила*, хотя также и в других творениях трагиков, таких как эсхиловский «Агамемнон», драмах Софокла: «Антигона», «Царь

Эдип», «Электра» и др., можно также обнаружить отголоски конфликта между матриархатом и наступающим патриархатом. Итак, трагедия Эсхила «Эвмениды» посвящена ужасному преступлению, которое совершил Орест, ради мести за отца убивший Клитемнестру, свою родную мать. До этого, однако, Клитемнестра убила своего мужа Агамемнона, в том числе также исходя из чувства мести за свою дочь Ифигению, которую в качестве сакральной жертвы принёс собственный отец (ради грядущих побед, политического могущества, возвышения своего народа и государства). На стороне матриархата выступают древние божества эринии, они преследуют Ореста и хотят за убийство родной матери подвергнуть его ужасным мучениям и смерти. Вместе с тем новые (патриархальные) божества, такие как Аполлон (прямо подстрекавший Ореста к убийству) и Афина, оказываются на стороне преследуемого сына, отомстившего за своего отца. При этом эринии не преследовали Клитемнестру сразу после того, как она довольно коварно убила своего мужа, аргументируя это матриархальными представлениями о том, что муж и жена – люди, разные по крови. Другое дело для них – преступление самого Ореста, убившего носительницу близкородственной крови. В результате, однако, новые олимпийские боги спасают Ореста от казней и смерти, оправдывают его. В данной связи особо интересной представляется заключительная речь на суде богов в защиту Ореста, произнесенная Афиной: «И за Ореста я кладу свой камешек. Ведь родила не мать меня. Мужское всё мне ближе и дороже. Только брак мне чужд. Отцова дочь я, и отцу я предана. И потому жалеть не стану женщину, убившую супруга. В доме муж глава. Орест спасен, хотя бы даже поровну распределились голоса» (Античная трагедия ... , 2018. С. 142). Таким образом утверждается патриархальная культура, в которой принципиальное значение для антропологии приобретает политическое измерение.

Разрушение древнего матриархата во многом было обусловлено его преимущественно аграрным и деревенским (дополитическим) характером, чрезмерной связью с землей и окружающей природой, пассивностью в плане принятия довольно рискованных решений, связанных с войной, в том числе и ради славы. Ряд исследователей, например, Э. Фромм, ссылавшийся в своих рассуждениях на И. Бахофена, преимущественно в матриархате усматривали примат жизни, законов природы и любви. Вместе с тем в рамках матриархата можно обнаружить дефицит *идеалистического* мировоззрения. В данной связи важно указать на *материалистичность* такого порядка властных отношений (как матриархат) в том смысле, что в нём сама конкретная жизнь

(например, сына своей матери) выше любой, даже самой героической и просветленной идеи, способствующей, в свою очередь, утверждению господства (мужского) логоса.

Пожалуй, обладающие реальной властью матери просто бы не отпустили своих сынов на войну, протекающую вдали и за пределами собственной территории, ради славы и высших воинских доблестей. Клитемнестра бы, в отличие от Агамемнона, не стала приносить в жертву любимую и родную дочь Ифигению даже с целью будущей великой победы эллинов. Также с трудом можно представить на месте персонажа гоголевской повести Тараса Бульбы, убивающего своего сына Андрея, объятую подобным же яростным гневом родную мать последнего. Ведь Тарас Бульба карает сына в первую очередь за предательство (православной) *идеи*, ставит ему в вину попрание законов воинского братства (товарищества козаков). Очевидно при этом, что для Андрея любовь к женщине предпочтительнее военного долга (в результате чего он оказывается во власти и попадает в плен к женскому началу). Ясно, что и сам Андрей в большей степени сын своей матери, чем своего отца, в отличие от верного православной идее Остапа, который, конечно же, прежде всего сын своего отца (верный заветам мужского союза, военного братства), чем матери. Поэтому в целом можно сделать вывод, что патриархат (несмотря на свой глубинный и порой радикальный *идеализм*) стал мощным мобилизационным фактором, определившим ход развития вполне известной нам маскулинной цивилизации.

Гендерная борьба за власть в условиях антропологической модернизации

Важно отметить, что в процессе установления патриархата само женское начало может быть включено в дискурс доминирующей патриархальной культуры, в результате чего женщины наделяются маскулинными чертами. Так, например, идеалист Платон вполне определенно высказывался в пользу активной мобилизации и применения женских сил в условиях военного времени. В случае войны женщины должны участвовать в сражении, защищая государственный строй, т. е. правильно им будет «гордо противостоять разорению своей родины или хотя бы навести страх на врагов, представ перед ними в воинском строю» (Платон, 2013. С. 1151). Однако вполне допустима обратная ситуация, когда, наоборот, мужчина включается в матриархальный проект, сам становясь в определенной степени женственным существом.

Эпоха модерна на примере в первую очередь западных обществ демонстрирует нам своеобразное возрождение матриархата, происхо-

дящего на фоне экономического и политического усиления влияния женщин в современном мире. Рассуждая о различных архетипических формах власти и способах их исторической трансформации, А. Кожев отмечал, что в Новое время «произошла ампутация, и то, что ампутированным членом была именно власть отца, и то, что эта ампутация произошла скрытно, то есть бессознательно» (Кожев, 2006. С. 102). Вместе с тем очевидно, что существенный удар по патриархату был нанесён в результате комплексного возрождения материалистического мировоззрения, в определенной степени и присутствовавших в нём романтических тенденций, поддерживавшихся мифом всемирного братства людей, а главное – довольно отчетливым стремлением самих женщин к эгалитаризации труда. В контексте становления буржуазного общества и его эмансипации от пут прежних феодальных (и довольно строгих патриархальных) порядков, обычаев и норм интеллектуальные архитекторы современного общества осознают угнетённое положение женщин. Неслучайно, например, З. Фрейд, несмотря на то что приписывал всем женщинам бессознательную зависть к пенису (*penis envy*), полагал, что именно представительницы женского пола в первую очередь страдали от моральных запретов (налагаемых на них патриархальной культурой), что в результате приводило последних к фрустрации и серьёзным психопатическим расстройствам (Фрейд, 2010).

Таким образом, фигура отца, фундировавшая собой патриархальные традиции прошлого, становится символом репрессивной власти и определенной мишенью для сторонников эмансипации. «Подавление власти отца, – писал А. Кожев, – тем самым обладает откровенно “революционным” характером: “конституционная” теория рождается из духа бунта и революции; и она порождает революцию (“буржуазную”) по мере своей *реализации*» (Кожев, 2006. С. 102–103). Конечно же, анализируя длительный процесс антропологической модернизации, прежде всего западных обществ, нельзя говорить о том, что на смену (полностью поверженного) патриархата вновь пришёл (или неумолимо приходит) матриархат, скорее последний снова стал играть более существенную роль в распределении властных отношений между полами, в определенной степени обострив борьбу полов за власть.

Однако речь в данной связи может вполне идти о гендерном смешении и усилившемся культурно-символическом обмене между полами, т. е. внедрении таких форм интеракций, когда мужчины становятся более феминными в плане социальной (и не только) ориентации (например, предпочитают заниматься домашними делами, воспитанием детей и т.д.), а женщины, напротив, принимая черты маскулинности, осваивают такие

сферы деятельности, как война и политика. В условиях антропологической модернизации, таким образом, женская доминация вполне нормально воспринимается современными мужчинами и посредством эротизации, прежде всего со стороны последних, формирует особый дискурс наслаждения и эмансипации от прежних (маскулинных) комплексов. Более того, не секрет, что женская доминация, в том числе и носящая откровенно сексуальный характер (*femdom*), может быть (прежде всего на Западе) рекомендована психоаналитиками в качестве эффективного средства профилактики невротических состояний мужчин.

Вместе с тем наиболее болезненный процесс антропологической модернизации (против которой наиболее рьяно выступают сторонники консервативного патриархата) как раз и связан с распределением ролей в интимной сфере, где также активно обыгрываются разнообразные властные сценарии, а само игровое господство приводит не к фрустрации, а скорее к перверсивному удовольствию. Ситуация осложняется ещё и тем, что сам человек, как отмечал Н. Бердяев, «есть не только половое существо, но и существо бисексуальное, совмещающее в себе мужской и женский принцип в разной пропорциональности и нередко в жестокой борьбе» (Бердяев, 2003. С. 106). Пожалуй, в процитированных словах русского философа высказана мысль о том, что борьба полов за власть не является чисто внешним явлением, а ведётся в душе (бессознательном) конкретного человека. Интересно, что в ряде своих философско-антропологических построений Н. Бердяев во многом предвосхитил не возрождение древнего матриархата (о котором так проникновенно писал И. Бахофен), но наступление бисексуальной (трансгендерной) культуры, основанной на довольно игровом (карнавальном) смешении мужского и женского в человеке.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что реализация власти в культурно-антропологической перспективе обязательно включает в себя борьбу мужского и женского начал, которая зачастую может привести как к конфликту между полами, так и к расколу личности конкретного индивида. В целом можно согласиться с мнением представителей марксизма и психоанализа в том, что гендерные аспекты власти обусловлены как процессами разделения труда между полами, так и примордиальными мировоззренческими установками, как, например, (фаллический) *идеализм*, характерный для мужского начала, и *материализм* соответственно для начала женского.

Вместе с тем рассмотренные нами типы мужского и женского господства далеко не всегда осуществляются напрямую, а опосредованы признанными формами сложившейся патриархальной или матриархальной культуры. При этом как патриархат, так и матриархат могут носить как более строгие (жесткие), так и мягкие формы, сочетающие в себе непрестанные попытки навязать противоположному полу собственный дискурс восприятия окружающей действительности. Однако борьба за гендерное равенство (которая зачастую сама является идеологической разновидностью борьбы за власть) может приводить и к иррациональному смешению культур, деструктивной бисексуализации населения или другим эксцессам андрогинности.

Литература

Античная трагедия / Эсхил, Софокл, Еврипид : сб.; пер. с древнегреч. М. : АСТ, 2018. 736 с.

Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. М. : АСТ; Харьков : Фолио, 2003.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М. : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1986. 234 с.

Кожев А. Понятие власти. М. : Праксис, 2006. 192 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1961. Т. 21. 746 с.

Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М. : Альфа-книга, 2013. 1311 с.

Торчинов Е.А. Религии мира: опыт за пределами. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб. : Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2007. 544 с.

Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. Минск : Попурри, 2010. 480 с.

Фромм Э. Душа человека. М. : Республика, 1992. 430 с.

Элиаде М. История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий. М. : Академический проект, 2008. 622 с.

References

Ancient tragedy / Aeschylus, Sophocles, Euripides (2018). Comp., trans. with the Ancient Greek. Moscow: AST.

Berdyayev, N.A. (2003). Experience of paradoxical ethics. M.: AST; Kharkiv: Folio.

Dumezil, J. (1986). Supreme gods of the Indo-Europeans. M.: The main edition of the eastern literature of the publishing house "Nauka".

Kozhev, A. (2006). The concept of power. M.: Praxis.

Marx, K., Engels, F. (1961). Works. Ed. 2. M.: Publishing house of political literature. Vol. 21.

Platon (2013). Complete Works in One Volume. M.: Alfa-book.

Torchinov, E.A. (2007). Religions of the world: Experience of the beyond. Psychotechnics and transpersonal states. SPb.: Classical alphabet, Petersburg Oriental Studies.

Freud, Z. (2010). Essays on the psychology of sexuality. Minsk: Potpourri, 480 p.

Fromm, E. (1992). The soul of man. M.: Republic, 430 p.

Eliade, M. (2008). History of faith and religious ideas: From the Stone Age to the Eleusinian Mysteries. Moscow: Academic Project, 622 p.

Поступила в редакцию

28 мая 2018 г.